

СЕРГЕЙ МАТВИЕНКО

ПРИГОВОРЁННЫЕ К СЧАСТЬЮ

КНИГА 2

18+

Мастера прозы

Сергей Матвиенко

**Приговорённые к
счастью. Книга 2**

«ЭКСМО»

2026

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Матвиенко С.

Приговорённые к счастью. Книга 2 / С. Матвиенко — «Эксмо»,
2026 — (Мастера прозы)

ISBN 978-5-04-247360-9

Человечество давно балансирует на грани уничтожения, но никогда еще не подходило к краю так близко. В солнечную систему из далекого космоса прибывают посланники высокоразвитой инопланетной расы. «Мы пришли с миром!» — уверяют они. Будущее Земли в Галактическом Союзе цивилизаций прекрасно! Но что, если всё это грандиозный обман? Цель которого — навсегда переписать реальность. Есть только один, кто сомневается. Но сможет ли он остановить Вернера, гениального ученого, провозглашённого пришельцами своим полномочным представителем? И кто из них двоих больше похож на безумца? Вторая часть захватывающей саги «Приговорённые к счастью» погружает в вихрь научной фантастики, философских дилемм и морального выбора. Здесь смешиваются напряжённый экшн, юмор и размышления о жизни, смерти и свободе воли. Готовы ли вы отпустить иллюзии и шагнуть в неизвестность?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-247360-9

© Матвиенко С., 2026
© Эксмо, 2026

Содержание

Глава 1. Когда все исчезнут...	6
Глава 2. Всё и сразу	11
Глава 3. Бестолковый допрос	14
Глава 4. Он ей никто	18
Глава 5. Её демон	21
Глава 6. Будто бы сговорились	25
Глава 7. Осколок льда в её сердце	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Сергей Матвиенко

Приговорённые к счастью. Книга 2

© Сергей Матвиенко, текст, 2026

© Алина Лоскутова, обложка, 2026

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

Глава 1. Когда все исчезнут...

«И когда все исчезнут в один миг, уже не получится сказать, были они на самом деле или это просто наваждение чьего-то воспалённого ума, вообразившего их в болезненной горячке или от безделья...» – зачитывал Вернер, глава корпорации «Реактивные зигзаги», приложение к трудовому договору, написанное его новым сотрудником Фомой, которого недавно против его воли воскресил один вредный и прилипчивый следователь по имени Бальтазар, бывший средневековый инквизитор. Это было рукописное эссе в произвольной форме о том, почему Фоме нравится его новая работа, почему он разделяет ценности компании, первостепенная цель которой – помочь всему человечеству мгновенно исчезнуть.

«А ведь хорошо написано! – подумал Вернер. – Фома – ценное приобретение, спасибо за него Бальтазару. Да и за многое другое...»

– Славно. Добрый малый. Вот Фома и запустит... стиратель, – пробормотал Вернер. – И моя карма не пострадает, если что не так... Какие он ещё доводы приводит? Незаметно сотрём их. А раз не заметят, то и против не будут. Хорошо! И с добрыми намерениями!

Вернер глянул на часы. Ожидание вышло. Бальтазар так и не явился на разговор «по душам». «Всё же решил к Адольфу на казнь отправиться? Надеется что-то разноухать... Ну же, Адольф, не подведи, хватит тебе меня предавать...» – вздохнул Вернер, листая отчёт Института Времени про обстоятельства смерти Елизаветы – нынешней, скажем так, «хорошей знакомой» Бальтазара, а вернее, без прикрас, его содержанки, сидевшей на его шее с тех самых пор, как объявилась здесь, в подземном мире Луны, воскрешённая им же самим на свою голову. Ложные обвинения, несправедливый суд и скорая расправа: сожжение на костре. А в центре всего этого безобразия паук: её любовничек, герцог Фернандо. Попользовался деревенской дурочкой и бросил, и не просто, а с размаху в волчью яму на колья церковного благочестия. «Псих, как и все они...» – Вернер положил на стол объёмную папку с материалами дела и вздохнул: «Дорогая вещица вышла и не пригодилась. Хотя... Конечно же! Вот же фигура против надоедливового следователя! Надо тайно помочь Елизавете воскресить герцога, как она того желает (спасибо секретарю Адольфу, всё разузнал про эту „семейную парочку“). Всё получится, если Елизавета не поверит рассказам Бальтазара. А она не поверит, она же ненавидит его больше, чем саму себя. Бедные люди... Психи... Как и все они... Взять герцога к себе, показать этот отчётик. Пригрозить тем, что его ждёт. Был герцог, стал пешка, всё как обычно. Пешкой по особо важным поручениям против ферзя, инквизитора». Вернер убрал отчёт в сейф.

Раздался громкий стук, дверь без промедления распахнулась, и на пороге объявился Бенито, верный соратник Вернера, помогавший ему с разного рода «делишками». Он был чем-то взбудоражен и шарил по кабинету выпученными глазами.

– Босс! – выдохнул помощник.

– Бенито! – поприветствовал его Вернер. – Простился с Адольфом? Передал ему мой подарок?

Тот мрачно кивнул.

– Этот неумный поп-инквизитор всё-таки заявился на... церемонию к Адольфу, лёгкой ему дороги в вечность...

– И тот обо всём проболтался?! – ахнул Вернер.

Бенито помотал головой.

– Адольфу не до попа было... Бедняга. Но... Меня аж трясёт... Чёртов Бальтазар отобрал у меня мою «жемчужинку», а затем...

Вернер побледнел.

– Как некстати! Тебя станут допрашивать...

– Нет, босс, не станут! Даже если Адик проболтался, это уже неважно... Там такое случилось...

Вернер подался вперёд.

– Когда я прощался с ним и передал ему, что должен был... – Бенито кротко опустил глаза, – то увидел, как инквизитор, бедолага, в камеру-печь зашёл! Тихо так, незаметно туда прошмыгнул!

Вернер открыл рот.

– Хотел допросить нашего Адика, а затем выскочить? Глупец! – воскликнул Бенито в напоказ расстроенных чувствах, уверенный, что, как обычно, проведёт глупого босса. – Это я виноват! Не предупредил. Но кто же знал, что об этом нужно предупреждать?! Как он вообще до этого додумался? Инквизитор! Увидел я, как за ним дверь закрылась, и похолодел. Хотел было крикнуть: «Остановите расправу, вы, нелюди! Безвинная душа страдает», но верите, босс, проскочила у меня этакая подленькая мыслишка: «Так тебе и надо, отобрал моё сокровище! Нечего тебе было шнырять здесь и разнюхивать». А после не посмел, страшно стало...

– Вы же знаете, как я боюсь этих чертей бородастых! – погоревав, продолжил вдохновенно врать Бенито. – Они меня самого туда чуть не затолкали, на пару с Адольфом. Ради друга шкурой рисковал! Отбилась и дёру...

– Так он, верно, потом вышел... – растерялся Вернер. – А если Адольф ему всё рассказал? Бальтазар, кажется, и так о чём-то догадывался. Он же нам всё испортит. Наш великий замысел! Ох, Бенито, недобрую весть ты принёс.

– Не волнуйтесь, босс. Не вышел! Точно говорю: я пересилил себя, вернулся и ждал его у выхода... Не дождался!

Лицо Вернера расплылось в болезненной гримасе.

– И ведь чужой человек, вражина, а всё равно жалко его, дурного попа, чёртового инквизитора, – вслед за боссом страдальчески простонал Бенито. – Подлец я, вот кто.

Вернер схватился за голову.

– Какая жуткая смерть! Что же делать? Придётся воскрешать Бальтазара. Мы же, выходит, виноваты...

– Нельзя! – округлил глаза Бенито на такой поворот. – Он ведь и меня расспрашивал про конец мира. Знать, Адольф ему что-то сболтнул. Царствие ему небесное, – уставившись в потолок, перекрестился Бенито. – И одному, и второму...

– погоди! – схватил Вернер его за плечо. – Что ты до этого говорил? Он отобрал у тебя твой препарат? Твою «счастливую жемчужинку»?!

Тот понял, что спасён, что никто не узнает о его проделках с подменной наркотической пилюли для Адольфа на отравленную и о том, как он ловко заманил Бальтазара к тому в камеру. Бенито успокоился.

– Да, босс, – с надрывом вздохнул он. – Беззащитен я теперь перед нашим адом и тварями, его населяющими. Страшно мне.

Услышав это, от облегчения Вернер едва не заплакал.

Бенито же, словно в сильном огорчении, замотал головой, искоса наблюдая за боссом.

– Он меня просто выпотрошил! Настоящий инквизитор. Пять минут, и припёр меня к стенке, будто всё заранее знал... Я ему: «Это для Адольфа. Пощади моего друга! Не лишай его последней радости». Так нет, отобрал! «Для следствия». Я отдал Адольфу свою... – всхлипнул Бенито. Вдруг его «осенило»: – Босс, а ведь он в камеру полез, чтобы Адика «жемчужинкой» подкупить!..

– Адольф бы ему помог. Он хоть и подлец, но не мерзавец, – бормотал Вернер, не слушая притворные стенания Бенито. – Обязательно бы помог... Бальтазар – разумный человек, он воспользуется, он же знает, что это!

Вернер, обрадовавшись, схватил смущённого Бенито за плечи.

– Какое облегчение! Камень с души! Верный ты мой человек! Спасибо! – Вернер с доброй улыбкой разглядывал своего хитрого помощника, изображавшего, как до него постепенно доходит, что он ни в чём не провинился. – Спасена карма: Бальтазар и Адольф покинули этот мир, до предела счастливые. Не о чем нам переживать, будем радоваться за них!

– Да, какое облегчение! – всхлипнул Бенито, утерев выдавленную слезинку.

Вернер подошёл к сейфу и отпер его.

– Вижу, ты переживаешь из-за своей «жемчужинки». – Он достал маленькую красивую коробочку и протянул Бенито. – Держи взамен старой, послужившей добру.

Тот помрачнел.

– Босс, а может, мне и не надо? – выдавил он с жалкой улыбкой. – Меня же не должны... – чиркнул Бенито пальцами по горлу, – до того, как всё случится? Зачем мне тогда ваш чудо-препарат? Я же остаюсь на нашем Ковчеге... А если и успеют засудить, то это ничего, я сам справлюсь. Потерплю разок, как в былые времена...

– Возьми, возьми... На всякий случай, – отвёл глаза Вернер. – Добром за добро... Вдруг всё-таки отправят на эшафот. Обещаю, что верну тебя в тот же день! Ты сам подумай: куда я без тебя? Ты меня не предавал, как Адольф. Никому ничего не болтал. Остаёшься с нами, с несчастными...

Бенито взял коробочку и, открыв её, жадно всмотрелся. Пересилив себя, он со вздохом захлопнул крышечку, глянул в ласковые глаза босса, собираясь вернуть подарок, но затем, что-то смекнув, сунул его в карман.

– А вот Адольфа даже не уговаривай меня воскрешать к нам на Ковчег! – строго произнёс Вернер. – И это не наказание ему, а награда за его прошлые заслуги. Всё, отмучился! Ушёл в нирвану до предела счастливый, будем радоваться за него и завидовать.

Старательно хмурясь, Бенито зыркал на Вернера – мол, пребываю в сомнениях, босс.

– Ну же, Бенито! Не унывай! – с улыбкой увещевал Вернер. – Окончилась серая глупая жизнь, отягощённая ответами за прошлые делишки. Да и что такого в этой жизни: день изо дня одно и то же. Даже у меня! Только представь себе весь этот длящийся вечно ужас.

– Покойся с миром, друг, – склонил голову Бенито. – Ты заслужил. Ты лучший, я буду вечно тебе завидовать. Ибо жизнь наша, полная горести и страданий... Ты со мной навечно, в моей памяти, в сердце... – закрыл лицо ладонями и зарыдал.

Вернер умилился его слезам.

– А вы, все прочие, потерпите. Избавление скоро, – говорил он, заглядывая в недоступную для Бенито даль, пока тот украдкой следил за ним.

– А если эти черти Адольфа без нас воскресят? – обеспокоился Бенито. – Для своих больших затей.

– Риск есть, – кивнул Вернер, – но небольшой. Они же привыкли, что я всегда плачу. А суть привычки – рабство, предсказуемость. Не перечь им, побольше обещай и откладывай на потом. Выкупят.

Бенито засиял.

– Босс, вы гений! Сами-то они жмотятся себе на удовольствие потратиться. Мол, нам этого не надо, мы хорошие и добрые, но раз ты уже здесь, так и быть, подвесим тебя за ноги... Скоты! А страждущие Адольфа по большей части из той породы, про которую и так всё ясно: удавятся из-за копейки.

К ним постучался Фома, и сияние Бенито угасло.

– Босс, неужто он нажмёт «кнопочку»? – пробурчал помощник по особо нечистоплотным делишкам, бросая на Фому завистливые взгляды.

Вернер кивнул.

– Фома, прекрасное эссе, – он похлопал по бумагам на столе. – Сразу ясно, что ты понимаешь, зачем мы это делаем. Договор со своей стороны я подписал.

Фома улыбнулся.

– Конечно, это бутафория. Кнопка эта... – не унимался Бенито, – почётная обязанность. Вроде как ленточку перерезать на мероприятии. Но я рассчитывал... За мои-то заслуги... И, кажется, он не готов...

Вернер добродушно рассмеялся, словно над милым дитя, которое с потешными ужимками требует себе игрушку.

– Бенито, мне всё равно, – спокойно возразил Фома. – Но я, так и быть, помогу всем несчастным этого мира. То есть всем. Но могу и уйти, как уже уходил. Как подобает освободившемуся. Меня здесь ничто не держит.

– Босс, вы слышите? Ему всё равно! Как бы наш малыш не сдрейфил в последний момент.

Фома добродушно фыркнул, заулыбавшись ещё шире.

– А я точно нажму! – утроил напор Бенито. – Босс, вы же знаете, я не подведу. Я верен вам. Ради вас готов на всё! Это ему всё равно, а мне нет! На, бери, – он достал из кармана коробочку и протянул Фоме. – Внутри конфетка. Та самая. Дарю. У тебя же нет? А если есть, то, может, с двумя веселее выйдет? Попробуй! Бери, мне не надо, я для босса живу.

Бенито элегантно отщёлкнул крышку: внутри на алой подушечке лежала чёрная пилюля, «жемчужинка». Он сунул её под нос Фоме.

Лицо того озарилось.

– Нет, Бенито! – влез между ними Вернер. – Именно потому, что тебе так сильно надо, я выбрал Фому. Мир перейдёт в новое качество на пике всеобщего ликования, ведомый туда добром, а не мстью. А тебе лишь бы поквитаться. Не вписываешься ты в логику этого грандиозного события. Нет, только добро спасёт наш мир. И благие намерения... Кто бы там что ни говорил. Фома нажмёт.

– Не бойтесь оба карму запачкать? Я вот не боюсь! – Бенито с вызовом глянул на Вернера, но понял, что ляпнул лишнего, и замолк, плотно поджав губы.

Вернер слегка нахмурился.

– Ни пятнышка не ляжет! – отмахнулся Фома. – Мы же не злодеи. Все исчезнут сразу и безболезненно. Можно даже спектакль не устраивать.

Вернер помотал головой.

– Счастье людей превыше всего! – твёрдо сказал он.

– Соглашусь... – подумав, кивнул Фома. – Завершим один спектакль другим. Но у меня маленькое условие...

– Условия ставит! – возмутился Бенито.

Фома даже не глянул на него.

– Я хочу своего брата воскресить. Чтобы он вместе со всеми счастливыми запечатлел себя в вечности на волне позитива, а повезёт, и экстаза... А то Руман с родителями идеально отработал, покоятся с миром... А с братом не сдержал своей болезненной природы. Сделал ровно как просил, но по-своему, и так гадко, что лучше бы и не надо... Вроде как по носу меня щёлкнул, на место поставил. Мне-то всё равно, а братик нехорошо ушёл.

– Я рад, Фома, что ты попросил об этом! – заволновался Вернер. – В твоей порядочности я более не сомневаюсь. И мне какое облегчение! Учись, Бенито, что значит быть человеком. Фома, только Фома!

– Я всё понял, босс, – буркнул Бенито и сунул коробочку в карман.

Фома проводил её взглядом и вздохнул.

– Такова цена выбора, – с печалью кивнул ему Вернер. – Теперь ты в кругу немногих несчастливцев, кто останется вечно завидовать тем, кого скоро не станет, будто и не было никогда. Круг обречённых нести груз бытия на своих плечах...

Бенито, взыв, вытащил коробочку и потряс ею, смяв в кулаке.

– Обойдусь. Выдержу. Сам... – бросил её на письменный стол. – Как раньше, боль и ужас...

– Бенито, ты тоже в этом несчастном кругу, не волнуйся, – схватил его за плечи Вернер и ласково посмотрел ему в глаза.

Тот глянул недоверчиво.

– Хорошо, босс! Понесу груз бытия. Куда скажете, туда и понесу.

Вернер с доброй улыбкой кивнул ему и, сдержав вздох разочарования, отвернулся к Фоме. Они обменялись понимающими взглядами.

– С твоим братом, Фома, есть небольшое затруднение, – задумчиво произнёс Вернер. – Платёж за него должен провести кто-то, совершенно никому не знакомый и с нами никак не связанный. Кто нам не откажет. Посуди сам: воскресить Адольфа, своего верного слугу, я не могу себе позволить, убеждаю всех немного подождать из-за «временных финансовых трудностей» и вдруг кого-то воскрешу. Это подозрительно. Как появится подходящий человек, сразу отправишься с ним за братом. Не переживай, у меня есть на примете один любопытный экземпляр. Сдаётся, он скоро здесь объявится, я и сам этому поспособствую. Поверь, этот тип будет не против нам услужить...

Глава 2. Всё и сразу

Проводив дочь и её нового мужчину, Лёву, на рейс до Венеры (куда того вдруг потянуло на «заработки настоящим трудом»), Елизавета из космопорта отправилась в рощу недалеко от её дома: погулять там и обдумать, как ей дальше быть с Бальтазаром, её соседом, когда-то давным-давно приютившим её под крышей своего дома. По совместительству этот сосед был ещё и приёмным отцом её дочери, Мари. Постоянно ссориться с ним, вернее, мотать ему нервы, Елизавете будто бы надоело, в последнее время она даже чувствовала что-то вроде раскаяния за свои каверзы, к тому же пообещала дочери «всё решить»: помириться с ним и окончательно расстаться. Мол, разъедутся, и она будет жить на свои.

Но чем дольше Елизавета раздумывала, тем менее выполнимым казалось ей данное сгоряча обещание. Кто она без опеки Бальтазара? Он же и виноват, что она такая никчёмная, ни на что не годная. Держал её, дурёху, в золотой клетке себе на забаву, а ей на погибель... Да и сам он такому повороту вряд ли обрадуется. Будет умолять её передумать, а её сердце не каменное... Так зачем торопить события? Не лучше ли оставить всё как есть? Для начала им надо, как обычно, помириться, а потом видно будет. А она обещает себе больше не давить на него! Хватит этих подлых игр, будут мирно «сосуществовать» под одной крышей.

Едва подумав так, Елизавета вспыхнула. Эгоистка! Лиса! А как же Фернандо, свет очей её, любовь всей её жизни? Короткой земной жизни... Короткой из-за таких, как этот бывший инквизитор Бальтазар. Она вздохнула и решила, что Фернандо подождёт. Половину средств Бальтазара она сумела у него оттяпать, может, получится уговорить его помочь ей и отдать вторую половину. Или как-нибудь завладеет оставшимся. А для этого им тем более не нужно разъезжаться. Вот и принято решение!

Елизавета придумала, как им помириться. Лёва упомянул про отчёт Института Времени, который Вернер принёс им под конец вчерашнего вечера. Подумать только: отчёт Института Времени для неё самой! Ей не терпелось узнать подробности. Она попросит Бальтазара всё рассказать, тот с радостью согласится, они разговорятся, и она его простит.

Она нахмурилась. Интересно, а что ещё за «личное счастье», о котором выкрикивал ракетчик? И почему, по словам Лёвы, Бальтазар после впал в «тяжёлую задумчивость»? Ох, лишь бы не выплыло ничего ужасного, такого, что кончит их примирение новой войной. Он же честный – скажет, как есть, – а она злая и мстительная. Обязательно всё разболтает: мол, выяснилось, что всё же я виноват, я тебя на костёр отправил; уж прости, или нет, не прощай, я, мол, не заслуживаю... Вот тебе и помирились, снова-здорово, старые дразги. Ну и ладно! Вот тогда она и хлопнет дверью. Деньги у неё есть: половина его сбережений! Какая она молодчинка!

Но тут она вспомнила, что «её деньги» – это те, что перевёл Бальтазар в Институт Времени, заказав для неё историческое исследование причин и обстоятельств её ареста и казни. Мол, сама убедись, я ни в чём не виноват. А что к ним в банк попало, то, считай, пропало. Это не совсем её деньги, просто теперь Институт ими распоряжается с её ведома, только и всего. Она может отложить их на любимого Фернандо – это пожалуйста, – они хоть тысячу лет будут ждать, пока она не накопит нужную сумму.

Правда, не в этот раз! – вдруг поразила её неприятная мысль. Ведь отчёт на её имя готов, заказанные работы выполнены. Теперь Институт вернёт Бальтазару предоплату за него! Чёртов ракетчик! Доброхот! Снова нищая. Она приуныла. Ничего, что-нибудь придумает...

– Бенечка, «муженёк» дома? – пытаясь скрыть волнение, с порога спросила Елизавета у кота Бенедикта, вышедшего к ней в прихожую.

Тот расплылся в улыбке.

– Не переживайте, госпожа, озорник не появлялся. Гадкий бесстыдник боится моего гнева. Выгнали! Заживём! – Он зевнул и потянулся, выгнувшись дугой.

– Как появится, ты его не стыди. Мириться с ним будем. Ты тоже.

Кот почесал лапой за ухом, зыркнул на неё недоверчиво и, не говоря ни слова, запрыгнул на шкаф.

– Что, даже разуться не поможешь? – насмешливо спросила она.

Но Бенедикт не ответил. Рассердился.

У неё запиликал телефон. Кто-то сумбурно представился и спросил, не она ли Елизавета, мол, звонят насчёт родственника её, Бальтазара. Елизавета с телефоном в одной руке и туфлей в другой перебила и, не слушая, терпеливо стала объяснять, что собеседник заблуждается, что она никакая не родственница Бальтазара, и уж тем более не жена, и чтобы они «у себя где надо» это наконец исправили.

Голос в трубке молчал, переваривая услышанное.

– Вы по какому вопросу? – не выдержала Елизавета.

– Сообщить, что Бальтазар погиб. Сгорел заживо, – ответил голос. – Соболезную. – Раздались гудки отбоя.

Елизавета выронила телефон и, как была в одной туфле, уселась на тумбу.

Бенедикт, с вытянутой шеей подслушивавший со шкафа, спрыгнул на пол.

– Свободна, хозяйюшка! Что-нибудь придумаем, как-нибудь всем завладеем, – мурлыкал кот, помогая ей разуться.

Та топнула ногой.

– Да ты разве что умное скажешь? Что я тебе говорила, то и повторяешь! Это же я сама себя слушаю. Ты моё олицетворение, – ввернула она умное словечко. – Кот-искуситель.

Бенедикт притих.

– Ну да... не получится. Все наши сбережения уйдут на него. Маришечка, озорница, первая их на это пустит. Она же его родственница, – подпустил он яду с язвительной ухмылкой.

Елизавета отвернулась. Конечно, по-хорошему, это самое верное решение. Поступить по-человечески, не препятствовать... Да как будто у неё есть выбор!

Вечером она ужинала в одиночестве, точнее, с Бенедиктом, который, подняв стул повыше, уселся на место Бальтазара и строил уморительные рожи, очень на того похожие. Елизавета шикнула на него разок, но тот не унялся, и через минуту она уже хохотала над его ужимками. «Святоша, натуральный святоша», – хлопала она в ладоши, когда на её телефоне тренькнуло входящее сообщение.

Ей писала Мари: «Мама, забыла передать тебе какой-то пухлый конверт от отца. Мы на промежуточной станции у Земли, нас уже спать укладывают. Как прилетим, отправлю почтой». За первым сразу пришло второе: «Ой, забыла! Отдам, если папа не передумает. Он просил подождать пару дней. Извини! Целую».

Она вздохнула: «Если папа не передумает...» Интересно, а что в том конверте? А вдруг? Нет, не может быть! Не веря себе, Елизавета решила проверить свой банковский счёт. Так и есть. Там завис незавершённый денежный перевод от Бальтазара. Сколько? – округлила она глаза. Всё, что у него было, включая отложенное для неё в Институт!.. Сердце её заколотилось. Это он вчера перевод оформил, после того «случая в ванной». Бедняжечка... Отдал ей всё на Фернандо...

А чтобы получить эти денежки, всего-то нужна её подпись. Ага, здесь: она потыркала пальцем в экран, но перевод никак «не подписывался», вместо этого всплывало окошко с пояснением, что требуется подпись на «бумагах». Видимо, речь о тех, что в том пухлом конверте. А ещё он может передумать. Не может...

– А что там у нас? – промурлыкал Бенедикт, с хитрой улыбкой разглядывая её лицо.

Елизавета положила телефон на стол, и Бенедикт, для смеха нацепив очки, которые носил в кармашке своей жилетки, придвинул его к себе.

– О-о! Для меня дело совершенно ясное. Но я не озвучу вслух ни одного соблазнительного предложения. Ни слова, ни-ни! Хозяюшка сама примет решение, сделает правильный выбор, в котором я, отдам должное своей честности, не сомневаюсь.

Елизавета улыбнулась и почесала ему за ухом.

– Проницательный котик...

Глава 3. Бестолковый допрос

Минула неделя, как несчастный Бальтазар погиб на суде возмездия Адольфу, всё ещё не упокоенному грешнику, неисчислимый раз казнённому и снова призванному для ответа. Каждый шаг Бальтазара восстановили по секундам: от первого, как он вошёл в зал суда, и до последнего шага за железную дверь печи, где видеокamera не было. Остались вопросы, пролить свет на которые мог только непосредственный свидетель тех событий. Бенито. Его вызвали на допрос в детективную контору посмертных расследований «За Ахероном», где Бальтазар и работал до того случая, а сейчас просто числился, сохраняя за собой место.

– Да, и на допросе про меня ни слова! – уже довольно долго наставлял Альберта его куратор с Земли, Емельян Сергеевич. – И Дмитрия своего предупредите! Луна, приём.

– Конечно, – кивнул Альберт. – С чего бы это вы связаны с нашим Бальтазаром. Дмитрию передам.

– Замечательно! У меня всё. Луна, отбой. – Емельян Сергеевич отключился.

Бенито явился не один. С ним пришли адвокат и сам Вернер, по закону имевший право сопровождать воскрешённого им около месяца назад «новенького», за которого он вследствие этого отвечал и которому в подземном мире Луны требовался «поводырь». То, что Бенито уже тысячи раз воскрешали и на Луне он провёл не один десяток лет, в законе не оговаривалось.

Адвокат же был собственностью «Реактивных зигзагов»: искусственный цифровой интеллект, носивший образ сухонького старичка с добрым, благообразным, слегка морщинистым лицом, белой клиновидной бородкой и нерасчёсанным ватным пухом на голове.

Беседа с этой троицей сразу не клеилась и через час пошла на второй унылый круг. На вопросы Бенито отвечал медленно и с достоинством, прибавляя много лишних подробностей, отчего слушателям, Дмитрию и Альберту, казалось, что они увязают в этом липком, приторно-слащавом разговоре, словно мухи в сиропе.

– А я подозреваю, что это вы обманным путём его туда заманили! Не отпирайтесь. Мы же выясним! – Дмитрий, порядком утомлённый, хлопнул ладонью по столу.

– Нет, я тут ни при чём, – виновато улыбнулся Бенито. – Он сам туда полез. Я вам уже это говорил, если вы забыли. И вообще, ваш Бальтазар мне тогда показался каким-то... отстранённым. Я ещё подумал: приятель, ты явно не в себе, что-то у тебя на уме...

– Ещё раз с самого начала, – перебил его Дмитрий, показав на экран с видеозаписью. – Вы оба на задних рядах, сели там, о чём-то шушукались, пересели на первый ряд. Затем вы побежали к Адольфу и устроили там потасовку, чем отвлекли внимание от Бальтазара, а он в это время зашёл в эту чёртову камеру...

– Дима, погоди! – остановил его Альберт. – Открути чуть назад. Ага, стоп. Смотри, он здесь что-то передал Бальтазару.

Дмитрий озадаченно поскрёб подбородок и глянул на заёрзавшего Вернера. Ага, вот что Альберт заметил! Из самой видеозаписи этого никак не следовало, там вообще мало что было видно. Хотя если внимательно присмотреться...

– Так и есть! Что это вы ему передали?

– Я? Вам показалось... – начал Бенито с наглой ухмылкой, но вдруг осёкся и виновато глянул на босса, который тянул вверх руку.

– Признаюсь! Это я его попросил... – взял слово Вернер. – Бенито, спасибо, но не надо меня выгораживать. Можешь рассказать.

– Ну, там какие-то бумажки... – нехотя буркнул тот. – Ну да, босс просил не распространяться, если не спросят...

Альберт и Дмитрий в изумлении переглянулись.

– Оригинал институтского отчёта. – Вскочив, Вернер заходил по комнате. – Его копию я передал Бальтазару в тот замечательный волнующий вечер. А оригинал хотел вручить ему на следующий день лично, заручиться тем самым его добрым ко мне расположением... Это не взятка, не смотрите на меня так... Вещь дорогая, с собой не потаскаешь! Там одна бумага чего стоит, мало того что настоящая, к тому же не из дешёвых...

Вернер обхватил себя руками.

– Но глава корпорации себе не принадлежит. У меня поменялись планы, и рано утром я срочно улетел по делам. Попросил Бенито передать этот злополучный отчёт.

– Злополучный? – удивился Альберт.

– Ну... – смутился Вернер.

– А я Бальтазара не дождался и отправился к Адольфу проводить моего товарища, – немедленно встрял Бенито. – Бумажки прихватил с собой. А там: опа, какая удача! – ухмыльнулся он.

Вернер поморщился, и Бенито притих.

– А после случившегося... – Вернер помялся. – Бумаги всё же... личного свойства, вот я и попросил Бенито помалкивать.

Тот кивнул и горестно вздохнул.

– Он всё выпрашивал меня, как казнят беднягу Адика... Адольфа, моего друга. Уверен, вы знаете, что это за человек, Адольф... Кто он такой и что натворил в наши с вами времена. Вы знаете? Или рассказать? – спросил он у Дмитрия.

– Не надо, – поморщился тот.

– Хотя какой он мне друг. Товарищ... Даже нет, коллега, – с дрожью в голосе поправился Бенито, затравленно глянув на Альберта.

Тот пренебрежительно фыркнул.

– Боится тебя, – уважительно заметил Дмитрий.

– Придуривается... – покривился Альберт.

Бенито тяжело, навзрыд вздохнул.

– Нет, не боюсь! – решил он. – Хватит! Да, Адольф – мой друг!

– Не отвлекайтесь, пожалуйста, – вежливо попросил его Дмитрий.

– Ваш Бальтазар всё допытывался, – успокоившись, продолжил Бенито, – что за казнь, больно ли помирать Адольфу, другу моему. Я говорю: они, наверное, синильной кислотой его травят, не дустом же? Но, думаю, соль шутки он не уловил... А вы уловили? Хорошо, не отвлекаюсь... Адик, Адольф, друг мой, и мне неохотно рассказывает, мне, другу по несчастью, – печально сморщился Бенито. – Как спрошу его, что да как, так он весь трясётся, потеет, заикается и меняет тему. Ну вот я и говорю вашему: мол, вначале травят, а потом сжигают. Или всё вместе. Или просто сжигают...

Бенито помялся.

– Знаете... Я уже говорил, что он какой-то странный был. Я это сразу заметил. Вроде подавленный, но миг, и уже возбуждённый. Глаза лихорадочные, блестят... Так бывает: человек думает, крепко думает и неожиданно для себя и всех что-то надумает. Хотя, может, это сейчас, задним числом мне стало понятно... Он, когда отчёт взял и полистал его, пробормотал что-то там про грех невмешательства. Мол, всем воздастся. А то мы не знаем! – ухмыльнулся было Бенито, но помрачнел, будто до глубины поражённый этой нехитрой мыслью.

– Что ещё? – потёр он свой кирпичный подбородок. – Вспомнил! Его слова: «Нет мне здесь места, я так хочу покоя». Ёкнуло тогда сердечко... но голова и сердце были заняты другим... Когда мы, друг Адольф, снова свидимся? Эх!

Дмитрий и Альберт выжидательно смотрели на Бенито, а Вернер оглядывал их троих с милой улыбкой.

Бенито развёл руками.

– Это всё. Честно! Я не вру, зачем мне?! Вы же сами его обо всё расспросите! Хотя самоубийцу воскрешать... – поморщился он.

– Ах ты ж, кусок... – вытаращился на него Дмитрий.

Вернер вскочил.

– Прекрати! – прикрикнул он на Бенито.

– Босс, умоляю! – запричитал тот. – Сказал то, что думаю. Может, он и впрямь хотел попроситься наедине с Адольфом, другом моим? Только зачем ему это?

Вернер смягчился.

– Дурачина, что с него взять?! – сказал он Дмитрию и Альберту, усаживаясь. – Нашли кого допрашивать.

– Бенито, почему же вы оставили вашего... «друга» после той безобразной сцены, где вы на коленках вокруг него ползали? – спросил Альберт. – Почему сразу ушли?

– Потому как боюсь я этих камер, подвалов, обшарпанных пулями кирпичных стенок, фонарных столбов и особенно столбов с перекладинами. А ваш друг всё про камеру возмездия расспрашивал, ну или печь Адольфа... Что это такое, как работает... Я пришёл проститься с другом. Обняться с ним, облегчить его ношу, его крест... – повысил он голос, сложив у груди руки и воздев к потолку глаза.

Дмитрий запыхтел от негодования, Альберт потряс головой. А Вернер благодушно закивал.

Бенито, удовлетворившись произведённым эффектом, продолжил:

– Прочитал «Отче наш» за дверями до того, как они запалят огонь, и скорее убежал. Я там среди этого племени, среди этой стаи, что агнец посреди волков, снявших овечьи шкуры, – вызывающе поглядел он на Альберта.

– А прочитайте-ка нам эту молитву, «Отче наш», – попросил его Дмитрий. – Хочу убедиться в ваших словах.

– Э-э... Ну... – вылупился в потолок Бенито. – А-а! Значит, отче наш, иже ты сиди на небеси, да светится имя твое, да приедет к нам царствие твое... – забубнил он корявой латынью. – Э-э... И дай нам днесь... хлеба... поесть и забери долги наши, яко и мы... Да воцарится твоя... царица... Мать богородная... То есть благородная... Во веки веков... И так каждый божий день... И так далее и тому подобное... Аминь! – радостно выпалил он, добредя до конца. Благоговейно сложив ладони, Бенито смежил очи и зыркал вокруг из-под прищура.

Вернер, тяжело вздохнув, выразительно посмотрел на адвоката.

– Вера и молитвы – они, на минуточку, сугубо личные, – проскрипел тот, выдвинувшись из угла в середину комнаты. Он повернулся своей плоской картонной поверхностью к Дмитрию. – У моего подопечного они такие, а у вас, может, другие. Поэтому эта ваша проверка гроша ломаного не стоит. Вот, к примеру, мне известно, что ваш Бальтазар, в земном прошлом инквизитор, божий слуга, разуверился и даже богохульствовал, когда подрабатывал на наших стройках в дальнем космосе. Это задокументировано. Я не хочу бросить на него тень, не дай бог... Но давайте и мы не будем испытывать веру моего подопечного, и без того довольно слабую, как вы могли убедиться. Иначе для его защиты мне придётся поднять встречный вопрос: а не было ли случившееся с вашим приятелем банальным самоубийством? К кому привела потеря веры, а ещё накопившиеся личные проблемы. Да-да, я имел печальный опыт общения с его вздорной, скажем так, «супругой», сидевшей на его шее. О, если там копнуть, много чего обнаружится. Озвученные мной подозрения, пусть, на ваш взгляд, незначительные и необоснованные пустяки, могут оказаться крайне весомыми для Института Времени, чтобы им правомерно задраить заградительный барьер расценок на потенциального отказника. У меня огромный опыт в подобных судебных разбирательствах, гарантирую вам, Институт обязательно взвинтит тарифы.

Вернер с жалостливой улыбкой развёл руками.

– Иннокентий защищает не только Бенито, но и реноме «Реактивных зигзагов». А это, знаете ли, дорогущая вещица... Защита нашей святыни прошита в Иннокентии с гораздо большим приоритетом, чем его приязнь ко мне. Так что он и меня слушать не станет... Хотя он и человек, что бы там ни говорили про цифровых, но, так сказать, очень целеустремлённый, щепетильный к тому, что входит в круг его профессиональных...

– Хорошо! – перебил его Альберт. – Ваша взяла. Дима?

– Допрос свидетеля Бенито окончен, – буркнул Дмитрий. – Вернер, а ты не задержишься на минутку?

Тот добродушно улыбнулся.

– Конечно! Сочту за честь помочь, если это то, о чём я подумал...

Дмитрий кисло улыбнулся в ответ.

Подойдя к двери, Бенито развернулся и выпятил грудь.

– Альберт, я глубоко покороблен твоим отношением к нам, – глухим голосом произнёс он. – К таким, как я или Адольф. Так и сквозит, что мы с ним никчёмные люди. Из тебя, бородастый, не припомню твоего имени, тоже сквозит, – перевёл он тяжёлый взгляд на Дмитрия. – Но пройдёт наш час, и мы освободимся! Настанет это время, о, как я страстно жду его!..

Вернер, забеспокоившись, похлопал ладонью по воздуху, показывая, чтобы тот остановился.

– Я не хотел скандала, я приходил проститься с другом! – загремел Бенито, словно не заметив предупреждения. – Бросился пред ним на колени, пред этим величайшим грешником и страдальцем! Иногда довольно и словечка, что утешит и поддержит. Тогда всё стерпишь. Выстоишь. Пока не кончатся жадные до нашей крови страждущие. Эти люди... Они били меня, пинали, а я всё сносил... О, знали бы вы, что это за люди! Им бы лишь жечь, травить, вешать. Мол, имеют право!..

– Видимо, речь о разовом праве на равное возмездие, – встрял адвокат. – Но мы ни в коем случае не осуждаем и не ставим под сомнение баланс справедливости.

– Заткнись, арифмометр, – укоротил его Бенито. – Человек говорит.

– Бенито! – строго одёрнул его Вернер. – Иди уже!

– Босс, я жив одной надеждой. Слышите?! На вас лишь уповаю... – проговорил тот, не отводя преданного взгляда от напряжённого Вернера.

– Тебе не о чем волноваться! Сколько можно об этом говорить... – с неловким видом попытался тот его успокоить.

– Спасибо, босс! Ещё раз! Я ваш, навеки ваш... – Бенито утёр выкатившуюся слезу, всхлипнул и вышел.

Дмитрий покрутил пальцем у виска, и Вернер смущённо кивнул.

Он подошёл к фигуре адвоката и что-то шепнул ему на ухо, одновременно нажав на его левый глаз. Тот застыл, и Вернер отнёс его обратно в угол, прислонив лицом к стенке.

Вернер развернулся к следователям.

– Как я уже говорил, Иннокентий – старикашка вредный. Обязательно вмешается в наш тет-а-тет, чтобы я не лез ни в какие авантюры. Но он хоть и выключен, а всё фиксирует и сводку беседы мне предоставит. Для надёжного скрепления финансовых обязательств, которые мы здесь примем... – подмигнул он.

– Вернер, мы ждём одну особу, знакомую нашего Бальтазара, Елизавету, – заволновался Дмитрий. – Ты её видел. От неё зависит, как мы поступим... Только она что-то опаздывает.

– Партейку в шахматы с Альбертом, и я согласен её подождать! – потёр руки Вернер.

Тихо вздохнув, Альберт полез в ящик стола за шахматами.

Глава 4. Он ей никто

Через две разгромные для Вернера партии вкупе с его восторгами по этому поводу в дверь конторы «За Ахероном» постучалась Елизавета.

Дмитрий и Альберт, засуетившись, поприветствовали её, Вернер тоже с ней поздоровался. Дмитрий усадил гостью за свой стол и предложил крепкого чаю. Елизавета благосклонно согласилась.

– Милая, добрая Елизавета! – начал Дмитрий, наливая ей чай в стакан. – Вы, наверное, догадались, зачем мы вас пригласили?

– Не-а! – простодушно помотала та головой. – Видимо, соскучились?

– Речь о нашем с вами Бальтазаре... – сказал Дмитрий.

Но Елизавета, скорчив ему пренебрежительную мордашку, перевела свой томный взгляд на Альберта.

Тот придвинул ей вазочку с печеньками и конфетами.

– Кушайте, милая барышня. Сладкое полезно для ума. Нам предстоит...

– А я что, по-вашему, дура?! – Елизавета отодвинула конфеты. – Знаете, почему я здесь? Альберт и Дмитрий потрясли головами.

– Я хотела расспросить про мой отчёт, который про мою казнь, – сказала она Альберту и повернулась к задумчиво глядевшему на неё Вернеру. – Который вы для меня сделали. Не ожидала вас здесь встретить и очень этому рада!

– А уж как я рад! – полюбезничал тот.

– Не могли бы вы отдать его мне? – похлопала она ему длинными ресницами.

– Не могу! – развёл Вернер руками. – И рад бы, но никак не могу! Не имею такой возможности.

– Он намекает, что отчёт вроде как сгорел, – хмуро пояснил Альберт разобиженной словами Вернера Елизавете.

Та вздрогнула.

– Да-да, вместе с ним... с Бальтазаром, – добавил Альберт. – Дима, мне одному кажется, что с этим отчётом что-то неладное?

– Бальтазара трясло, пока он его листал, – кивнул тот. – Взгляд страшный! И ни слова потом не сказал, угрюмый был. Вернер, ты же заглядывал в эти бумаги? Что скажешь?

– Заглядывал. Скажу лишь, что ваш Бальтазар ни в чём не виновен, обычный человек в необычном переплёте обстоятельств. Случайный прохожий. Он, по сути, никто для неё, – кивнул Вернер на Елизавету. – Ему полное оправдание и справедливый развод без раздела имущества. Всё остаётся за ним.

Елизавета фыркнула.

– Там ещё был некий своевольный маркиз или барон, – осторожничая, мягко продолжил Вернер. – Юноша с... характером... Вот он совершенно не случайный для неё человек... Я, правда, его биографию пропустил, как и судебные перипетии.

– Он герцог! – презрительно бросила Елизавета. – И мой настоящий муж.

– О-о, так вы герцогиня! – встал и картинно поклонился ей Вернер. Он незаметно подмигнул остальным.

– Так что, Елизавета, вы же не воспрепятствуете нам воскресить Бальтазара? – не выдержал Дмитрий. – Я знаю, его сбережений вполне хватит.

Та хмыкнула, продолжив качать напоказ выдвинутой из-за стола ногой.

– Её дочь, моя хорошая знакомая, написала, что Бальтазар, её отец, кажется, все свои деньги ей отдал, – пояснил он Вернеру.

Тот, удивлённо вскинувшись, немедленно нахмурился и неодобрительно покачал головой.

На лице Елизаветы проступило раздражение.

– И что с того? Он сам мне их отдал! Подпишу бумажки, и денежки мои! Для моего Фернандо, а не вашего дружка! Он мне никто! Случайный прохожий, пересёкший мой жизненный путь. Никто, забравший мою дочь в служанки для своей родни, якобы на воспитание...

– Я такого не говорил! – изумился Вернер. – И в отчёте не видел. Дамочка, выдумываете!

– Никто, терпевший здесь мои оскорбления, – кипела та от гнева, ничего не слыша. – Ах, может быть, мне извиниться?.. Извини меня, никто! Я-то считала, что ты, монашек бесполой, влюбился в меня, но предал свою любовь на жуткую расправу. А ты церковный винтик, без души и без совести, отправлявший неугодных на костёр. Не хочу извиняться! Не буду! – показала она всем кукиш. – Трясло его? От радости, какой козырь ему в руки попал! Поставил бы меня на место, определил бы в служанки, в рабыни! А откажи я ему прислуживать и терпеть его пошлости, так выгнал бы из дома!

– Он вас любил, – горько заметил Дмитрий.

Та, вся пунцовая, поджав трясущиеся губы, уставилась на него, видимо, прикидывая, что бы ей сказать такого хлёткого.

Вернер заволновался.

– Мы и без вас справимся, – заявил он ей. – Я лично помогу Бальтазару! От вас ничего не потребуется.

– Вернер! – в восторге воскликнул Дмитрий.

– Спасибо! Мы, я... – смешался Альберт. – Вернер!

– На себя я возьму половину. А вы, его приятели, остальное. Согласны?.. Что, у вас нет этих денег? – усмехнулся тот. – Хорошо, три четверти беру на себя!

Растерявшиеся Альберт и Дмитрий переглянулись.

– Мы согласны, – вздохнул Дмитрий. – Елизавета, неужели вы действительно решитесь спустить все его состояние на чужого ему человека?

Та закатила глаза.

– Завтра же подам заявку! – бросила она.

– Друзья, а на что вы рассчитывали? – важно надулся Вернер. – Что она ради вас откажется от своего любимого? Кинется решать ваши проблемы? А вы вернёте себе друга, не потратив ни копейки? Так уговорите её обождать сотню-другую лет, пока она тяжким трудом на задворках космоса не накопит на своё личное счастье, на того, кто жаждет её в темноте забвения. Она ваша, приступайте! А я тогда отменю свои обещания и посмотрю, чем это кончится.

– Сколько пафоса, – пробормотал Альберт.

Дмитрий положил ему руку на плечо.

– Вернер, не отменяй, пожалуйста...

– Извините, – буркнул тот. – Просто мне её жалко стало. Как и всех нас...

– Спасибо, Вернер, – с чувством произнёс Дмитрий.

– Да, Вернер, спасибо, – дурачась, передразнила его Елизавета, – что уговорили меня сделать то, что я и так собиралась.

– Пожалуйста! Больше счастья нашему миру! А хотите, я внесу за вас десятую часть от нужной суммы? – спросил её Вернер. – За подачу заявки. Институт обязательно потребует предоплату. Мой свадебный подарок вам. Но это всё! Отдаю вам свою последнюю ликвидную наличку. Ох и расщедрился же я, и некому меня остановить! – рассмеялся Вернер, глянув на Иннокентия в углу.

Все уставились на него в изумлении.

– Я ничего не попрошу взамен, – уверил он Елизавету. – Как там имя вашего герцога, чтобы не напутать в платёжке?

– Фернандо, – пролепетала та.

– Прекрасно! И не благодарите! Другие же, надеюсь, меня извинят. Просто вы такая... Эх! – томно вздохнул Вернер и бросился к ней. Он схватил её руку, пожал и приложился губами. – Я вижу, по глазам вижу, вы не против!

Елизавета, потерявшись, пошла пятнами и лишь беспомощно хлопала на него глазами.

Мило ей поулыбавшись, Вернер отпустил её руку и повернулся к двум приятелям. Оценивающе глянул на них.

– Вернер, через неделю я предоставлю всю сумму, – не скрыл волнения Альберт.

Дмитрий был словно в прострации.

– Я продам дом... Мне, скорее всего, чуть не хватит... – Он вопросительно посмотрел на Альберта, а тот смутился и повернулся разглядывать что-то в окне.

– Дима, я могу купить твой дом. С переплатой, – разрешил их затруднение Вернер. – Ты покроешь свою долю, и у тебя ещё сверху останется. Так и быть, оформлю тебе бесплатную аренду лет на сто, и живи себе спокойно в моём-твоём доме.

Дмитрий понуро кивнул.

– Но, друзья, есть маленькое «но»... – взял тревожную паузу Вернер. – Траты не запланированы. Чтобы мне с наименьшими потерями получить эти средства, придётся немного подождать.хлопоты займут, хм... Месяц или около того. – Он вопросительно посмотрел на них.

Альберт и Дмитрий переглянулись и пожали плечами.

– Ура! – Вернер бросился пожимать им руки. – Через месяц с шампанским встречаем Бальтазара!

Елизавета зааплодировала с притворным восхищением.

Вернер улыбнулся ей.

– Вас тоже ждём. Помиритесь с ним, распрощаетесь и разлетитесь, как ракеты на встречно-поперечных курсах!

– Обязательно! – затмила его энтузиазм своим Елизавета. – Начну дни отсчитывать! Календарь куплю. – Она помахала всем ручкой.

Вернер ушёл немного погодя, захватив под мышку ростовую фигуру Иннокентия. Господин главный инженер пребывал в отличном настроении и насвистывал себе под нос весёлый мотивчик.

– Вот моё мнение, Дима. Не о чем нам с тобой волноваться, – глубокомысленно заявил Альберт, когда они остались одни. – Бальтазар здесь по любви. То есть обычный счастливый и удачливый лопух. Такие не обманывают. Можно даже расписок с него не брать. – Он вздохнул.

– Лопух и есть, привёл сюда эту стерву!.. – с отвращением прибавил Дмитрий. – Чтоб этой чертовке чёрт привиделся...

Глава 5. Её демон

Отправляться на Землю за своим Фернандо Елизавета боялась. Очень. У неё всегда буквально поджилки тряслись, когда она думала о космических перелётах. Вот и сейчас... Скверно это, никуда не годится.

И Бальтазар, и Мари говорили ей, что такое встречается сплошь и рядом, обычное явление. Люди боятся этих огромных пространств, где они незначительнее атома, никто и ничто.

В космосе она бывала, но лишь раз и не по собственной воле, когда её сразу после воскрешения отправили с Земли на Луну. Тогда в её первом загробном сне, вернее, в кошмаре, будто бы явилось ей незримое нечто, будто бы чёрное пятно выдвинулось из темноты и замерло над её постелью, наблюдая пустыми глазницами за живой, что перед ним притворялась мёртвой. Это было оно – то, что наблюдало за ней из толпы, когда она умирала на костре. Кошмарами полётной гибернации на межпланетных путешествиях никого не удивишь, но об этом сне она никому не рассказывала и сразу постаралась его забыть. Ей это почти удалось, но время от времени этот ужас вновь всплывал у неё перед глазами.

От незваного воспоминания сердце её заколотилось, а в животе недовольно заурчал, заворочался будущий спазм боли. Паршиво. Опять таблетки принимать. Вот тебе и жизнь в идеальном астральном теле, как шутил Бальтазар, покупавший ей это дорожущее лекарство, хоть и не обязан был...

За липким страхом снова пересечься с тем незримым чудовищем нахлынули мысли, другие воспоминания... Она вспомнила свои посмертные минуты. Приятными они не были. Миг забвения вечностью, первый вдох, и она продолжила свой истошный крик из-за истязавшей её боли. Её глаза, вдруг необыкновенно восприимчивые, разглядели, что она лишилась рук, и ног, и тела, прежде обезображенных вздутыми гнойными пузырями, дымящимися лохмотьями кожи, едва прикрывающими обгорелую серую плоть и желтеющие в ней кости. Ничего телесного в ней больше не было, но она каким-то неведомым образом существовала и страдала в этом посмертном аду.

Над ней склонились фигуры в белых одеяниях с невиданными орудиями пыток в руках. Один из них воткнул ей в голову длинную иглу, и боль утихла. Оборвав свой безмолвный крик, она неведомым ей образом огляделась и в стоявшей поодаль фигуре узнала молодого инквизитора, одного из тех, кто приговорил её к смерти. Он печально, как на вчерашнем суде, смотрел на неё, предвещая ей новые невыносимые муки. Безжалостный, он и в аду нашёл свою жертву. Елизавета, в отчаянии от настойчивости преследователя, зарыдала, но без телесной оболочки не смогла пролить ни слезинки.

Рядом с инквизитором, которого трясло, как в лихорадке, стояла юная дева: красивое лицо её было заплакано, губы дрожали. Елизавета попыталась понять, кто это, почему она так на кого-то похожа? И на кого? Никак не вспомнить, мысль её всё ускользала и ускользала. Ей сделалось всё безразлично, она затихла, попыталась закрыть глаза, но век не было, и она просто потеряла сознание. После этого её отправили на Луну: на Земле сложных операций лунянам не делали.

Очнулась она уже не просто исцелённая от фантомных болей, а в новом теле: неошутимом, невесомом, полном расслабленной неги – как в самом юном, беззаботном детстве. Душа её тоже почти не болела... Нагая Елизавета приподнялась с перин, потянулась и засмеялась, впервые за долгое время.

Слева было окно, откуда сквозь щели в занавесях сочился солнечный свет, справа – закрытая дверь. На прикроватной тумбочке лежало сложенное бельё, на нём – зеркальце и гребешок, над ними на вешалке висело невзрачное платье. Выбравшись из пуховых объёмистых перин, Елизавета первым делом схватила зеркальце. С удивлением она всмотрелась в своё

отражение. Неужто это она? Конечно, она, но будто и не она. Одевшись, Елизавета расчесала длинные густые волосы, любуясь собой, не в силах оторваться. Рай не рай, но точно не геенна огненная.

Она подошла к окну и распахнула шторы. Чудесный и странный вид открылся ей: чёрное ночное небо, яркие звёзды, среди которых блуждали хвостатые кометы; палящее, по закатному оранжевое солнце над пепельно-серебристой поверхностью, заставленной немислимыми, вычурными сооружениями, а вдали невысоко над серо-чёрным стыком края земли и неба висела половинка огромного синего шара. Что это? И где она?

Дверь из комнаты оказалась не заперта. Елизавета осторожно выглянула наружу, в полутьму коридора. У противоположной стены кто-то прикорнул на стульях. Стражники, задремавшие на посту? Затаив дыхание, она прикрыла дверь. Диковинная тюрьма, вот что это. Но куда лучше вчерашнего затхлого угла в подвальном застенке.

Скоро ей наскучили и пышная кровать, и зеркальце с гребешком, и сказочный вид за окном. Устав ждать, что будет дальше, она приоткрыла дверь и тихо окликнула спящих. Один из них вздрогнул и поднял голову. Коридор озарился светом, и вскочивший охранник оказался заспанным инквизитором, а другой – той прекрасной незнакомкой, юной богиней. Богиня широко зевнула, прикрыла рукой рот и, рассмеявшись этому, поднялась...

Застывшая в изумлении Елизавета не могла оторвать от неё взгляда, а та со стеснительной улыбкой смотрела в ответ. «Дочь?» – всхлипнула Елизавета, и та бросилась к ней с объятиями.

Инквизитор тоже подошёл, в то посещение Елизаветы в больнице он ни на шаг от неё не отходил, пугая её и начиная потихоньку раздражать по мере того, как она переставала его бояться. Ну почему она тогда же его не простила?! Зачем устроила этот поход за справедливостью? Но былого не отменить.

После выписки из больницы Бальтазар пригласил её пожить у него. Она согласилась и осталась: вначале по его доброй воле, что её не устраивало и приносило определённые душевные страдания, а затем по решению мирового суда, к этим страданиям прислушавшегося. «Ввиду пережитого одной из сторон и не до конца ясной роли в произошедшем другой из сторон до полного примирения обеих сторон». Она подозревала, что Бальтазар всецело удовлетворился решением затеянной ею тяжбы, а, учитывая его дружеские связи среди судебной коллегии, рассматривавшей её иск, возможно, даже поспособствовал вынесенному вердикту.

Как бездомный котёнок, по воле случая попав с холода и голода в тёплый уют к добрым хозяевам, избегает улицы, довольствуясь видом на неё из окна, так и Елизавета, как оказалась на Луне, так там и оставалась. Ни разу она не мечтала ни о каких путешествиях. Земля, Марс, Венера – зачем они ей? Ей хватало рассказов Бальтазара и Мари о странствиях по унылым космическим пустыням, о тяжком труде за большие деньги, о тоске по дому и другим людям и об осточертевших товарищах. Нет, нет и нет! Заработать на жизнь можно и здесь. А можно и не работать: Бальтазар удовлетворял все её потребности в еде, питье, крыше над головой и развлечениях. Её всегда забавляло, как он терпеливо сносил её надменное обращение, которое она разнообразила издевательствами. Елизавета знала, что бывший попик в неё влюблён, потому и покорен. А за это она его ещё сильнее презирала.

Его это вечное: «Прости. Я тоже виноват. Нет, одна моя вина». А что ей с того? Как часто мечтала она обличить его и отправить на костёр, как иные расправляются со своими извергами. Пусть узнает, каково это. Она жаждала мести. А его всего-то обязали обеспечить ей жильё и содержание. Столько мытарств – и такое ничтожное возмездие! Но даже из-за этой малости Бальтазара все жалели, а от неё отворачивались и небось втихую ненавидели. Но оно того стоило. Наверное...

Но Бальтазара уже нет, а её жестокая мечта «отмерить той же мерой» исполнилась сама собой. Сгорел заживо. Какая ирония! Насмешка судьбы. Может, он, как и она, вдыхал пылаю-

щий чад от промокшего хвороста вперемешку со смрадом горелой плоти. Может, корчился в судорогах и взывал к милосердию смерти. Может, понял её перед тем, как обратился в пепел и рассеялся по ветру.

У неё скрутило живот. Намаявшись, она проглотила таблетку, и ей как будто полегчало: хорошее лекарство, во всяком случае, дорогое. «Спасибо инквизитору. Видимо, любил...» – смахнула Елизавета слезу.

Любил... Она помнила эти его быстрые взгляды на суде над ней, ведьмой. О-о, не досужего любопытства, осуждения или сожаления полоумной дурочке, а недостойного клирика страсти. Тайный грешник. Бедняжке, наверное, пришлось потом исповедаться старшему чину. Исповедуйся и забудь про сожжённую ведьму. Забудь, как стыдливо, по-воровски разглядывал её. Забудь слезливую жалость, с которой, забывшись, смотрел на неё, как прятал от неё глаза и как отвернулся, когда палач провёл её мимо. Недвижимый, белый как полотно, словно в беспомыслительстве бормотал ты свои поповские заклинания. Забудь. Они не помогли.

Тогда чей-то ликующий взгляд на миг вырвал Елизавету из неистовой свистопляски боли и звериной ярости. Когда она, опомнившись, вдруг ясно осознала себя, увидела, что с ней сделали. И когда исступлённый вопль буйнопомешанной через мгновение тишины сменился несчастным криком отчаявшейся женщины, таким, что ненадолго утихомирил смешки и подвывания зевак, за мгновение до того, как чёрный занавес навсегда спрятал её от злобной возбуждённой человеческой массы, всё, что она рассмотрела, – это чьи-то глаза, холодные, ожесточённые, любопытные, одни во всей белой, затем серой и чёрной мгле.

А пробудившись из небытия в ту же яростную боль, снова увидела чей-то алчущий взгляд. Его, Бальтазара. Но теперь он, перепуганный тем, что сотворил, смотрел печально и жалостливо. Эти глаза, то яростные, то кроткие, внимательно следящие за ней из темноты, снились ей в кошмарах. Ей было за что его ненавидеть. Но всё это в прошлом: и бедный поп с хромой любовью, и её, Елизаветы, ненависть к этому несчастному.

А насчёт космических путешествий... Вот появится здесь её любимый, и с ним она куда угодно, хоть на край мира, в самый далёкий-предалёкий космос. О, любимый – несправедливо забытый, скрытый от неё тьмою веков! Он появится, и она снова его покорит и будет владеть им одна. Её жизнь начнётся с нового, чистого листа. Дочь поймёт, должна понять, это же её настоящий отец. Тот, кто дал ей жизнь. Фернандо, он отец, а не этот попик, зазывала при лавке, торгующей сказками о боге.

А вдруг ей в полётном кошмаре снова явится то безликое чудовище?.. Елизавета стала думать, что, может, ей нанять кого-нибудь... Но кого, знакомых? Обманут и воскресят попа!.. Вернера попросить? Но тот казался ей странным. Хотя, может, Елизавете из-за её недоверчивой природы чудится всякое. Может, Вернер и в самом деле искренне добр. Но что-то он очень старается, что-то ему от неё надо... Отвалил ей огромные деньги в качестве предоплаты за Фернандо, хотя его никто об этом не просил. Она даже не намекала. А вечером того же дня ещё и сам к ней заявился: мол, хочу помочь с трудоустройством вашего мужа, герцога, хочу руку ему пожалить. И притворяется, что чуть ли не влюблён в неё. Так не влюблён... Странный тип, настолько странный, что слегка пугает...

– Хозяюшка! – осторожно потрогал её лапой Бенедикт. – Доставили! Тот самый конвертик. Долгожданный...

Очнувшись, Елизавета встрепенулась. Бенедикт протягивал ей жёлтый почтовый конверт.

Вскочив с кушетки, она выхватила из кошачьих лап конверт и немедленно его распечатала. «Елизаветушке...» – прочла она надписанное почерком Бальтазара на первом выуженном листочке. – «Как мило... Любовное послание? Пф-ф!.. – повертела она его в руках. – Ага, а вот и главное в конце: „Я ухожу. Наш дом и сбережения целиком твои. Хочешь, потрать их на того негодяя...“» – Елизавета с пренебрежением отбросила жалкое письмишко в сторону.

Достав банковские бумаги, она разложила их на столе, всё проверила, аккуратно подписала и через домашнюю почту отправила документы в банк. Через минуту ей пришло положительное уведомление, и цифры огромной суммы высветились на её счёте. Елизавета с облегчением выдохнула: ну вот и всё, добилась своего. Она состоятельна, теперь ей никто и ничто не помешает...

Глава 6. Будто бы сговорились

– И стишки любовные в наличии, хоть и вымаранные. Вот умора, писал, страдал, черкал... – ухмылялся Бенедикт, сцапав со стола сложенный рукописный листок. – Хозяюшка, уделите минуточку.

Бенедикт принял вдохновенную позу, то есть встал на задние лапы и прижал передние к груди. Страстно вздохнув, он вздёрнул подбородок.

– Елизаветушке... моей несравненной, – выставив перед собой листок, проблеял он, пародируя Бальтазара. – Известно мне, тебя я недостоин... – завыл кот, раскачиваясь из стороны в сторону.

– Дай сюда, – выхватила Елизавета листок, прервав концерт. – Там может быть... ценная информация. Зашифрованные пароли и тому подобное. Кто мне потом пароль к платёжной карте подберёт? Ты? – Она сложила листок пополам и убрала в сумочку.

Не то чтобы она хотела почитать, что там, наедине, без этой клоунады. Да нет, хотела... Что поделывать, женское любопытство! Поклонник заплатил достаточно, чтобы заинтересовать.

Бенедикт виновато поморгал.

– Хозяюшка... – выдал он прежним фальцетом.

Елизавета расхохоталась.

– Ещё вам Маришечка написала, – уже обычным голосом сказал Бенедикт. – Я заглянул... Кино... И смешное... Вы же не передумаете насчёт герцога Фернандо? О-о, я так хочу на него посмотреть, хоть одним глазком, – мечтательно задохнулся он, что-то пряча за спиной, но под строгим взглядом Елизаветы протянул ей почтовую открытку.

Елизавета вставила её в проигрыватель. Стена гостиной, служившая к тому же телевизионной панелью, исчезла: за ней появилась Мари, а рядом с ней Лёва. Это были не просто их изображения, это были их цифровые копии, слепки их мозговой активности, снятые с некоторой степенью достоверности, достаточной для непродолжительной беседы. Оживлённые голограммы, говорящие сообщения из дальнего космоса, ну или, в данном случае, Венеры, что тоже не близко.

– Мама, здравствуй! – помахала ей рукой Мари. – Я насчёт того пакета, который передал мне папа... Я знаю, ты его скоро получишь, если ещё...

– Уже получила, – похвасталась Елизавета.

– Ах вот как... И что ты решила?

Бенедикт замахал Елизавете лапой, призывая молчать, и Мари его заметила.

– Ага, и этот здесь, как же без него... Кажется, ясно.

– Доча, ты не переживай, – отвела глаза Елизавета. – Твой... отец, то есть Бальтазар... они его обязательно воскресят, его дружки. Они уже всё решили. И деньги нашлись...

– Но ведь это же его сбережения! – вспыхнула Мари. – Как ты посмела их присвоить!

Лёва завозился на месте и обнял Мари за плечи, та высвободилась.

– Ты не переживай... – твердила своё Елизавета. – За него не только друзья, но даже Вернер, ракетчик. Он почти всё оплатит! Деньги у них есть!

– Глава «Реактивных зигзагов»? – удивилась Мари. – Что-то он подозрительно щедрый... Ещё и отчёт этот... Не находишь?

Елизавета отмахнулась.

– Через месяц или два воскресят твоего Бальтазара. – И, помешкав, бросила как бы между прочим: – А ты не собираешься обратно?

Мари поморгала и пожала плечами.

– Но ты же прилетишь его встречать? – не поверила Елизавета.

– Да, – немного механически ответила она. – Через месяц или два.

Бенедикт наострил на это уши и подмигнул Елизавете, та вопросительно посмотрела на него, затем, поняв, нахмурилась.

– Лёва! Ты чего молчишь? – толкнула того в бок Мари.

Лёва уставился на неё.

– Ах да! – хлопнул он себя по лбу. – Я хотел рассказать вам... мама, – мельком глянул на Мари, – о том событии, которому был свидетелем. Вернер, ракетчик, глава «Реактивных зигзагов», ещё раз явился к Дмитрию, это случилось уже поздно вечером, ровно перед тем, когда мы собрались расходиться. Он принёс с собой, кроме обычного земного отвратительного шампанского – я имел несчастье его пригубить, – ещё и кое-какие секретные бумаги, которые он передал Бальтазару. Секретные, потому что никто не мог их прочесть, кроме Бальтазара: я заглядывал ему через плечо, да и другие заглядывали... Сам господин Вернер был крайне возбуждён, он говорил, что в них заключено личное счастье Бальтазара и ваше, дорогая... мама. Но ничего определённого Вернер нам не сообщил...

– Это отчёт Института Времени, – перебила его Елизавета. – Я знаю про него. Ничего особенного там не было. А волновался ваш драгоценный, потому что, заполучив их, мог от меня отделаться, послать меня на все четыре стороны!

– Не смогу полноценно поддержать эту ветку разговора. Не хватает вводных, – механическим голосом сообщила цифровая копия Лёвы. Над его головой замигала табличка предупреждения с красным заголовком: «Рассинхрон параметров модели мозговой активности. Отказ обслуживания».

Цифровой Лёва подождал, что скажет Елизавета, та молча махнула ему рукой, и он продолжил.

– Хоть Вернер и признался нам, что как спонсор исследования заглядывал в эти бумаги, но ничего дельного он не сообщил, отделавшись лишь общими словами о счастье вашем, мама Елизавета, и о счастье самого Бальтазара. А вот то, как повёл себя Бальтазар, меня поразило... Нечасто увидишь человека, настолько изменившегося за столь краткий миг, пока он листал документ. Целый вечер потом он не проронил ни слова и не рассказал, что именно узнал. Я думал вначале, что он стесняется того господина: Вернера, ракетчика. Но и когда тот ушёл, ваш Бальтазар не переменялся. Он был тягостно задумчив. Так бывает, что человек, поразившись чему-то ужасному, вдруг открывшемуся перед ним, столбенеет, не в силах осознать и принять то, что он только что узнал. То же и в этом случае: ваш Бальтазар словно...

Елизавета кашлянула и со значением посмотрела на Бенедикта, который понимающе покрутил лапой у виска. Елизавета похихикала в кулак.

Лёва, заметив недоверие слушателей, заволновался.

– Уверяю вас, никто вам не скажет правды, кроме самого Бальтазара. Что-то не так с тем отчётом. Думаю, вы сами удивитесь, когда узнаете. Ваш Бальтазар вас любил, я знаю, мне Мари рассказала. Хотите правды, спросите у него самого.

– Через месяц! Или два! – парировала Елизавета.

– Мама, прошу, не торопись с этим герцогом, – запрочитала Мари. – Верни мне отца! Зачем нам подачки от разных господ? Кто знает, что этому Вернеру надо от папы.

– Да, ракетчику что-то было нужно от него! – поддержал её Лёва. – А тот это понимал, когда с ним разговаривал. О-о, какой обмен взглядами у них был: повесть можно написать, и весьма запутанную! Думаю, ракетчик Вернер хотел подкупить Бальтазара! Нельзя этого допустить! Его честное имя!..

Елизавета пренебрежительно сморщила нос: «Сговорились они, что ли?» Она поглядела на Бенедикта и показала глазами на проигрыватель.

Понятливый кот кивнул.

– Один момент, – шепнул он ей. – Лёва, Лёва! – громко запищал он, подражая голосу Мари.

Тот завертел головой, поглядел на цифровую Мари, которая тоже забеспокоилась.

– Лёва, мы потеряли билеты! – лицедействовал Бенедикт. – Ах я растеряха! Забыла, куда мы собрались! Лёвушка, куда и когда мы летим? Твоя жена – такая глупышка!

Цифровая копия Лёвы обняла свою Мари за плечи.

– Маришечка, билеты у меня. Забыла? Мы сегодня же летим на Землю. Я только за, ты не думай! Мы не оставим твоего папу в беде. А ещё я расхотел работать грузчиком на складе. Я тебе не говорил?.. – Сказав это, Лёва с экрана разглядел нахально улыбавшегося Бенедикта и зажал рот рукой. Мари тоже ахнула.

Елизавета расхохоталась.

– Выключай! – скомандовала она коту.

Вскочившие Мари и Лёва пропали.

Всё, медлить больше нельзя! Мари настойчивая, появится здесь, может и отговорить. Тем более что и сама Елизавета со всеми этими страхами, вдруг повылазившими из всех углов её одинокого дома, стала сомневаться. Правильно ли она поступает? Тот ли ей нужен? Почему, когда она «мечтает о встрече с Фернандо», то делает это механически, точно заставляя себя? Почему его юный прекрасный образ помимо её воли словно занавешивается от неё серой пеленой? Почему, когда у неё появилась действительная возможность его заполучить, она больше этого не хочет? Хуже того, боится? И эти выразительные и страшные глаза, что теперь всё чаще представляются ей, следят за ней из каждого тёмного закутка, из каждой щели – не оступись, сделай как должно, иначе будет хуже... Ведь она давно уже догадалась, чьи они на самом деле...

От всех этих терзаний у неё снова прихватило живот. Не слушая кота, нудившего её же собственные мысли про герцога, про то, как они «заживут», Елизавета сгребла остатки чудо-таблеток в сумочку и отправилась в космопорт. Хватит метаний. Пора самой во всём разобраться.

Глава 7. Осколок льда в её сердце

Как только объявили её рейс, Елизавета наспех распрощалась с Михаилом, знакомым Лёвы, и побежала на посадку. Оглянулась: не преследует ли? Нет, слава богу, отстал! С Михаилом она познакомилась, вернее, коротенько пересеклась совсем недавно, в тот злополучный вечер у Дмитрия перед тем, как закатить перед всеми грандиозный скандал. Этот Михаил, Миша, как он ей тогда и сейчас представился, «чисто случайно заметил» её у входа в космопорт. Мол, стою, на погоду любуюсь, а тут вы – ба! Конечно же, подослал его Лёва по наущению Мари. Хотя мужчина Михаил, конечно, интересный. Она ещё тогда обратила на него внимание. Позёр, умница, с ироничным взглядом, наверное, и кровей благородных, не то что Маришечкин Лёва: мужик мужиком, простой, как сапог.

И этот Миша, как и дружок его, Лёва, понёс ей «правду» про «таинственное происшествие в конце вечера». Теперь ясно, что сговорились! Этот запугивал Елизавету изошрённое простак Лёва. Мол, Вернер, по его словам, человек ненадёжный, с него можно портрет Люцифера писать – светоносного ангела не от мира сего. Мол, что у такого на уме, может, лучше и не знать, чтобы спать спокойнее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.